

Научная статья

УДК 821.161.1-3 Грин + 355.255.8 + 94(470)“19” + 821.161.1.09

DOI 10.15826/izv1.2023.29.4.068

«ДОРОГА НИКУДА» И «АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ» А. С. ГРИНА: СОПОСТАВЛЕНИЕ «ТЮРЕМНОГО СЮЖЕТА»

Моджтаба Панджесотуни

*Литературный институт имени А. М. Горького,
Москва, Россия,
mojtaba216@yandex.ru*

А н н о т а ц и я. В статье осуществляется сравнительный анализ так называемой «тюремной темы» в двух произведениях А. С. Грина, а именно в «Автобиографической повести» и в романе «Дорога никуда». «Автобиографическая повесть» рассматривается при этом в качестве объективно ненадежного, но все же субъективно достоверного источника многих эпизодов жизни писателя, в том числе периода его пребывания в тюрьмах Севастополя и Феодосии. Эти эпизоды были практически полностью воспроизведены в последнем романе Грина «Дорога никуда». В процессе анализа был выделен и рассмотрен целый ряд фрагментов, деталей, сюжетных коллизий «тюремного сюжета», берущих начало в биографии прозаика и нашедших свое воплощение, во-первых, в его автобиографических очерках, известных под названием «Автобиографическая повесть», во-вторых, в тексте его последнего романа. Точность совпадений говорит при этом об особом автобиографическом субстрате произведений Грина.

К л ю ч е в ы е с л о в а: А. С. Грин; «Дорога никуда»; «Автобиографическая повесть»; Севастополь; Вера Павловна Калицкая; тюремное заключение; тюремная тема в литературе; русская литература XX в.

THE “ROAD TO NOWHERE” AND “AUTOBIOGRAPHICAL STORY” BY A. S. GRIN: A COMPARISON OF THE “PRISON THEME”

Mojtaba Panjesotoony

*Maxim Gorky Literary Institute,
Moscow, Russia,
mojtaba216@yandex.ru*

A b s t r a c t. This article conducts a comparative analysis of the so-called “prison theme” in two works by A.S. Grin, namely, the “Autobiographical Story” and the novel “The Road to Nowhere”. The “Autobiographical Story” is considered as an objectively unreliable

but subjectively reliable source of many episodes in the writer's life, including his time spent in the prisons of Sevastopol and Feodosia. These episodes were almost entirely reproduced in Grin's latest novel, "The Road to Nowhere". In the process of analysis, a series of fragments, details, and plot collisions of the "prison plot" were identified and examined, originating from the prose writer's biography and finding their embodiment, firstly, in his autobiographical essays known as the "Autobiographical Story", and secondly, in the text of his latest novel. The accuracy of these coincidences speaks to the particular autobiographical substrate of Grin's works.

Key words: A. S. Grin; "The Road to Nowhere"; "Autobiographical Story"; Sevastopol; Vera Pavlovna Kalitskaya; imprisonment; prison theme in literature; Russian literature of the 20th century

Тема тюремного заточения, наряду с темами побега, моря, странствий, поисков Несбывшегося, занимает особое место и является одной из основных в творчестве Александра Степановича Грина. В подтверждение этому можно обратиться к таким произведениям писателя, как рассказы «Рене» (1917), «Узник Крестов» (1917), «Бродяга и начальник тюрьмы» (1924), «Тюремная старина» (1933), романы «Блистающий мир» (1924), «Дорога никуда» (1930). Имея опыт заключения в тюрьмах Севастополя и Феодосии (за революционную деятельность), в Выборгской тюрьме (за использование поддельного паспорта), писатель отразил этот опыт в своих художественных текстах.

Известный исследователь творчества Грина В. Е. Ковский в монографии «Романтический мир Александра Грина», размышляя о «тюремном сюжете» в произведениях писателя, пишет: «Вероятно, ни один писатель не обращался столь часто к этой теме. И дело не только в личном опыте Грина, но и в стремлении художника создать некий социальный символ, свидетельствующий о крайнем общественном неравенстве» [Ковский, с. 208]. Рассматривают «тюремную тему» в прозе Грина и другие ученые. Например, А. Н. Варламов в книге «Александр Грин», размышляя о тюремном опыте своего героя, в основном опирается на «Автобиографическую повесть» писателя, подчеркивая при этом, что тюрьма и воспоминания о ней стали одним из характерных мотивов всего творчества Грина. Исследователь перечисляет целый ряд произведений, где встречаются описания тюрьмы и присутствует тюремный сюжет, хоть и анализирует эти произведения довольно лаконично [Варламов, с. 30–35]. Обращалась к тюремной теме в творчестве Грина и Г. И. Шевцова в статье «Мотив тюрьмы в рассказе А. С. Грина "Рене"», где упомянутый мотив она рассматривает как устойчивый семантический элемент литературной композиции, повторяющийся во многих произведениях писателя [Шевцова, с. 88–92]. В отличие от Ковского и Варламова Шевцова не выходит за пределы художественного текста, не связывает «тюремный мотив» с реальной биографией Грина.

В. И. Сандлер в документально-биографической книге «Вокруг Александра Грина» (1972) довольно подробно рассказывает о судебных процессах над Грином в Севастопольской и Феодосийской тюрьмах, о попытке побега, приводит

множество свидетельств, указывает точные даты процессов. Повествуя о петербургском периоде жизни писателя, исследователь также рассказывает об арестах Грина, останавливаясь более подробно на его заключении в Выборгской тюрьме в 1906 г., приводя текст «Прошения», написанного Грином на имя царя и министра внутренних дел [Сандлер, с. 439–441, 444–454]. Надо отметить, что Сандлер, быть может, подробнее других биографов и исследователей Грина освещает эти, связанные с тюремным заключением периоды его жизни.

Еще одним источником, подтверждающим важность присутствия в творчестве Грина «тюремного мотива», основанного на личном опыте, является книга В. В. Адеева «Гриновские места в Севастополе» (2018) — фотопутеводитель по местам, в которых бывал Грин. Каждое фото в книге сопровождается фрагментом гриновского текста, где речь идет о некоем вымышленном пространстве, в точности отражающем конкретные исторические места, включая Севастопольскую тюрьму. Адеев создал карту и расшифровал названия вымышленных и отраженных в произведениях писателя мест и городов, в том числе на основе «Автобиографической повести», — начиная с периода, когда Грин 22 сентября 1903 г. приехал в Севастополь в качестве пропагандиста, и до того времени, когда он был арестован и переведен в Севастопольскую тюрьму: «В тюрьме он начинает собирать материал, делает наброски своих будущих рассказов. В дальнейшем все это ляжет в основу многих произведений» [Адеев, с. 17].

Однако при том, что почти никто из писавших о Грине не обошел так называемой «тюремной темы», до сих пор нет обстоятельной аналитической работы, в которой бы с достаточной полнотой были рассмотрены вопросы, связанные с тюремной проблематикой в таких важных для понимания Грина произведениях, как роман «Дорога никуда» и «Автобиографическая повесть». Это и будет целью нашей статьи, где оба гриновских текста будут представлены в сравнительно-сопоставительной парадигме вышеназванного тематического дискурса.

Как известно, писатель запечатлел свой экзистенциальный опыт заключения не только в художественной прозе — многочисленных рассказах и романах, — но и в автобиографии, известной под названием «Автобиографическая повесть». Она была начата в 1930 г. в Старом Крыму и опубликована в 1931 г. в журнале «Звезда». Книга стала своеобразным отражением первого периода жизни Грина, начиная с детства и заканчивая 1905 г. Этот период предшествовал его первым публикациям и настоящей писательской деятельности. Писатель создавал книгу в тот суровый момент жизни, когда ему и его семье было очень трудно — сил ни на что не хватало, средств к существованию было крайне мало, пришлось по заказу издания писать о себе.

Насколько книга отражает реальные факты жизни писателя, сложно сказать, но мы, разумеется, учитываем, что перед нами своеобразная «повесть», хоть и другой, не беллетристической, но автодокументальной природы. В ней Грин, как и любой автор автобиографического повествования, создает миф о себе, предлагая читателю субъективное восприятие себя, своей жизни и своего опыта. Не случайно авторское название для опубликованных в журнале очерков было «Легенды о себе», и оно

откровенно моделирует авторскую позицию. Однако фактографическая основа, представленная в повести, несомненна, тем более что она подтверждается, с одной стороны, многочисленными свидетельствами и воспоминаниями людей, знавших Грина, а с другой — текстами его рассказов и романов.

Как раз в последней части повести представлен тот печальный период жизни писателя, когда он был заключен в Севастопольскую тюрьму, где находился два года (с ноября 1903 г. по октябрь 1905 г.). Однако это заключение — лишение свободы, изоляция — оказало огромное влияние на становление личности Грина и все его дальнейшее творчество. Именно в «Автобиографической повести» приоткрывается взгляд на уникальный внутренний мир творца и на его формирование. В этой книге писатель с особым мастерством передает свои самые ранние воспоминания и эмоции, позволяя нам заглянуть в глубину его собственной души, понять происхождение многих сюжетов и образов, психологический склад героев, основные мотивы и многочисленные детали, рассеянные в разных художественных текстах.

Исходя из этого, в нашей работе мы попытаемся осуществить совершенно конкретный анализ тех фрагментов, эпизодов и деталей, которые, как мы считаем, «перешли» из реальной жизни А. С. Гринева, неоднократно связанной с тюремным заключением, в его роман «Дорога никуда». Для этого мы будем планомерно сравнивать моменты биографии Грина, воспроизведенные в его «Автобиографической повести», с аналогичными фрагментами и деталями, представленными в последнем романе писателя. В частности, рассмотрим следующие эпизоды жизни писателя, попавшие затем в его последний роман:

1. Ловушка, в результате которой Грин оказался в Севастопольской тюрьме;
2. Травма ноги во время первой поездки Грина в Одессу;
3. Подробное описание внутреннего расположения Севастопольской тюрьмы;
4. Небольшая лавка перед Севастопольской тюрьмой;
5. Камера заключения Грина;
6. Связь узника с внешним миром за пределами тюрьмы;
7. Суд и приговор за революционную деятельность;
8. Попытка побега;
9. Прибытие девушек в тюрьму в качестве «невест» от «Красного креста»;
10. Реальный опыт рытья тоннелей, полученный на Урале;
11. Четыре человека рискуют жизнями, чтобы спасти заключенного.

Причиной выбора этих фрагментов «Автобиографической повести» для сопоставления их с текстом романа «Дорога никуда» стала, как нам представляется, очевидная связь между данными эпизодами в обоих произведениях.

1. Когда Грин сотрудничал с партией эсеров, как вспоминает сам писатель, его отправляли в разные места с пропагандистскими заданиями. Одна из его миссий 11 октября 1903 г. представлялась ему изначально неблагоприятной, он чувствовал, что там его ждет ловушка, но под влиянием Екатерины Александровны Бибергаль Грин отправляется на запланированную встречу с солдатами и матросами. Пропагандистские встречи обычно проходили ночью, что обеспечивало

конспирацию. Но в этот раз, прибыв на место, Грин вместе с другими оказывается окружен полицией, а затем и арестован. Выйдет он из тюрьмы только 13 октября 1905 г., когда его выпустят по амнистии. Почти в такую же ситуацию попадает в романе «Дорога никуда» главный герой Давенант. Давенант — хозяин гостиницы. У него в заведении появляется губернаторский сынок с друзьями, который, будучи не в духе, оскорбляет случайно оказавшуюся там девушку. Давенант вступает за нее и вызывает негодяя на поединок, но тот, опасаясь быть убитым, решает проблему по-другому. Давенанту подбрасывают контрабанду — он тоже попадает в ловушку, из которой выбирается сначала на судне контрабандистов, затем вступает в перестрелку с пограничниками и убивает нескольких, но в конце концов он, как и сам Грин, попадает в тюрьму.

2. Автобиографический герой Грина приезжает из родной Вятки в Одессу, совершенно не зная моря и жизни вблизи него. Однажды он заплывает слишком далеко от волноломов, а когда пытается вернуться, то попадает в волны, которые выбрасывают его на береговые камни. Ему с трудом удается спастись:

Одежду мою унесло, смыло водой, руки и ноги кровоточили, ссадины ныли, голова болела от удара о камень [Грин, 1965а, с. 260]¹.

В этом автобиографическом эпизоде перечислено, какие тяжелые травмы получил герой. Поначалу это его не слишком беспокоит, но через несколько дней состояние ухудшается:

Жизнь мою отравляли все увеличивавшиеся язвы ног. Ноги ныли, чесались, язвы гнили, имели вид кругло выгрызенного мяса. На втором посещении врача больницы я получил вместо йодоформа цинковую мазь, которая не пахла. Для перевязок мне приходилось тайно от сожителей бинтовать ноги в сортире, на дворе или за помостом, куда сгружался из вагонов хлопок, а мазь прятать под матрац [Там же, с. 265].

Затем герой попадает в больницу, где сначала ему грозит чуть ли не ампутация ноги:

Предположение операции, пугавшей меня, — отпало; как-никак перевязки, мытье ног, малое движение и лекарственные мази заживили дней через пятнадцать мои ноги; опухоль рассосалась, раны сузились и затянулись струпом; тогда я попросился на выписку, с облегчением покинув эту больницу [Там же, с. 280].

Однако боль в левом колене, как мы знаем, сохранялась у Грина в течение долгого времени. Подобное болезненное испытание (травма ноги) выпадает и Давенанту в романе «Дорога никуда» .

Так, столкнувшись с контрабандистами на обратном пути в Покет, Давенант получает ранение в колено. После ареста он был доставлен в тюремный лазарет

¹ Далее при цитировании произведений Грина указываются только год издания и номер страницы.

с раненой и распухшей ногой. Суровые условия тюрьмы и одиночество усугубляют ситуацию:

Меж тем ноге Давенанта стало хуже; после временного облегчения коленный сустав распух, нога отяжелела, и больной мог только садиться, хотя ему это было запрещено [1965б, с. 156].

Одна из основных тем, подробно затронутых в романе, — страдания Давенанта из-за поврежденного и опухшего колена. Психологические и физические условия в тюрьме настолько плохи, что, когда дело доходит до побега, Давенант даже с помощью друзей, подготовивших побег, не может встать:

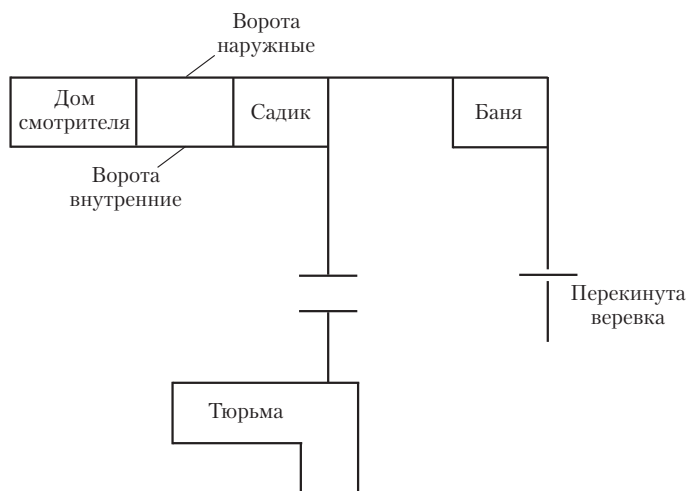
Галеран откинул одеяло и тихо опустил его. Нога, надувшись, красновато блестела; ступня, слившись с икрой, потеряла форму. — Не берегся? — сказал ужаснувшийся Галеран. — Что же теперь? [Там же, с. 204].

Четверо мужчин, рисковавших жизнями, чтобы вытащить Давенанта из тюрьмы, понимают, что он почти обречен.

3. Как уже было сказано, и как об этом писал сам Грин, 11 ноября 1903 г. он был арестован и заключен в Севастопольскую тюрьму, откуда освобожден по амнистии 20 октября 1905 г. Естественно, что за это время детали устройства тюрьмы надежно запечатлелись в памяти будущего писателя. Спустя годы вот как он опишет ее в «Автобиографической повести»:

Корпус севастопольской тюрьмы состоит из четырех этажей и четырех коридоров-галерей с панелями по обе стороны; сверху донизу сквозь все этажи видны мостики, соединяющие панели, и винтовые железные лесенки, соединяющие этажи. В каждом коридоре-галерее дежурит суточно надзиратель [1965а, с. 350].

Помимо словесного описания Грин составил еще и схему внутренней части Севастопольской тюрьмы, где видно расположение внешних и внутренних ворот, охранников, садика и ограды вокруг главного здания [Там же, с. 352].

По-видимому, это место — Севастопольская тюрьма — оставило серьезный след в душе писателя. Вот как вспоминала о том его жена: «Грин показал мне Дом армии и флота, а затем, издали, — здание севастопольской тюрьмы. — “Там просидел я два долгих мучительных года”. — На мое предложение съездить посмотреть ее, отказался. — “Человек не должен посещать места, где было ему тяжело, горько. Достаточно уже пережитого. Даже прекрасное, возобновляемое в памяти, вызывает чувство некой безысходной грусти, что же говорить о брошенных в тьму годах. Достаточно сознания, что эта тюрьма еще существует”, — говорил мне Александр Степанович». «Знание севастопольской тюрьмы, — заключает Нина Николаевна Грин, — помогло ему так хорошо сделать описание ее в “Дороге никуда”. И камень, через который пробивали Стамадор и Галеран подкоп, был тот самый желтый акмонай, на котором лежит Севастополь» [Грин Н. Н., с. 46–47]. Таким образом, личный опыт заключения и доскональное знание устройства Севастопольской тюрьмы позволили Грину убедительно и вполне достоверно представить тюрьму Покета в романе «Дорога никуда».

Детали расположения внутренних помещений тюрьмы, описанные в «Автобиографической повести», хорошо отражены в романе как дорожная карта героев. После того как попытки Галерана найти способ доказать невиновность Давенанта оказались безуспешными, он решает устроить ему побег, выкопав для этого туннель. Для осуществления своего замысла Галеран обращается за помощью к человеку, который ранее был заключен в той же тюрьме Покета, знает ее как свои пять пальцев и готов участвовать в реализации плана побега Давенанта. Вот как Ботредж описывает внутреннюю планировку тюрьмы:

Судите сами, а я расскажу устройство двора за той стеной, которая против нас, с воротами. Налево от прохода между воротами примыкают к нему квартиры начальника и его помощника, а направо, то есть в нашу сторону, к проходу примыкает цейхгауз. Его продолжение вдоль стены есть тот самый лазарет. На правом его крыле садик из кустов, куда днем водят больных, если разрешает доктор. Только в этот садик вы и можете попасть. <...> — Вот только как выйти из лазарета? — сказал Ботредж. — Дверь хотя и с правого крыла на конце здания, но она расположена по фасаду, ее видит часовая внутренних ворот [1965б, с. 180–181].

Тщательное описание деталей и расположения внутреннего устройства тюрьмы по сюжету романа очень важно для выведения туннеля за ее пределы. Любой может обнаружить туннель, и план побега сорвется. И мы видим, что здесь автор вновь точно смоделировал ситуацию, основываясь на собственном опыте.

4. По воспоминаниям Грина, прямо перед Севастопольской тюрьмой находилась небольшая лавка, где заключенные на собственные деньги могли купить чай, сахар, табак и белый хлеб через надзирателя [1965а, с. 354–355]. Такая же небольшая лавка находится напротив тюрьмы в Покете:

...через дом от казармы ряд зданий замыкала бакалейная лавка с двумя окнами и дверью меж ними, имевшая клиентурой почти единственно узников и тюремщиков. Утром сторожа по особым спискам закупали в лавке на деньги арестованных,

хранящиеся в конторе тюрьмы, различные продукты, дозволяемые тюремной инструкцией [1965б, с. 139–140].

Конечно, эта лавка в романе была не просто разновидностью маленького магазина, но местом, где можно было разработать и реализовать план создания туннеля для освобождения Давенанта.

5. Когда Грин был заключен в Севастопольскую тюрьму за то, что отказался сотрудничать со следствием, он был помещен в одиночную камеру с небольшой решеткой, которая располагалась на уровне земли [1965а, с. 353]. Форму камеры, в которую он был когда-то помещен, Грин воспроизвел в описании камеры Давенанта:

В мечтах о бегстве первым и далеко не всегда оправдывающим себя магнитом служит окно камеры — естественный, казалось бы, выход, хотя и загражденный решеткой. Квадратное окно камеры Давенанта, обращенное на двор, нижним краем приходилось ему по плечи, так что, пользуясь разрешением тайно курить, за что платил, он должен был приставлять к окну табурет и пускать дым в колпак форточки [1965б, с. 185–186].

Как мы видим, все подробности внутреннего и внешнего устройства тюрьмы в романе «Дорога никуда» взяты из личного опыта и наблюдений писателя во время его заключения в Севастополе.

6. Одна из самых важных проблем для любого заключенного — найти способ связи с внешним миром. Это не стало исключением и для Грина в Севастопольской тюрьме. Как он пишет, когда его поместили в тюремную камеру, человек по фамилии Конторович, с которым Грин ранее встречался у «Киски» (Е. А. Бибергаль), отправил ему через арестанта-уборщика записку, которая была брошена в окошко камеры. В ней было сказано, что Грин может передать ему, Конторовичу, любую записку через того же арестанта, который, в свою очередь, передаст ее через надзирателя. Так Грин начинает переписываться с «Киской», а затем даже сам надзиратель приходит к нему в камеру, чтобы забрать сообщение. В конце концов Грин планирует побег из тюрьмы именно благодаря переписке [1965а, с. 350–351]. Этот свой опыт Грин переносит и в роман «Дорога никуда», когда его главный герой, заключенный в тюрьму Покета, аналогичным образом устанавливает связь с внешним миром.

Давенант находится в тюрьме Покета и не знает, какая участь его ожидает. Один из контрабандистов отправляет ему записку через надзирателя точно так же, как когда-то отправляли записку самому писателю в Севастопольской тюрьме:

Надзиратель, выпустивший следователя, запер камеру, но через несколько минут опять вставил в замок ключ и, сунув Тиррею небольшой сверток, сказал: «Курите в форточку». Он поспешно вышел, отрицательно качая головой в знак, что некогда говорить. Тиррей увидел пять фунтов денег, трубку и горсть табаку. Спрятав под подушку табак, он отвинтил мундштук. В канале ствола была всунута записка от Тергенса: «Держитесь, начал осматриваться, сделаем, что будет возможно. Торг» [1965б, с. 144].

Таким же образом Давенант узнает, что Стомадор, человек, который много лет назад подарил ему гостиницу «Суша и море», теперь владеет небольшой лавкой перед тюрьмой и может найти Галерана. В тюрьме Покета эта цепочка секретных обменов сообщениями устанавливается через надзирателей, охранников и случайных знакомых.

7. Согласно хронологической канве жизни и творчества А. С. Грина, первый суд над ним состоялся 22 февраля 1905 г. в Севастополе, а второй — 23 мая того же года в Феодосии [Хронологическая канва..., с. 594]. Примечательно, что, как мы узнаем из автобиографии писателя, сформированные суды относились к типу военных судов:

Летом 1905 года состоялся первый суд — военно-морской. Судились — я и шесть солдат-артиллеристов. Защитником приехал А. С. Зарудный; он был у меня в камере, без свидетелей, три раза и посоветовал, если я хочу хоть сколько-нибудь «благополучного» исхода дела, не говорить суду ничего, совершенно ничего, кроме ответов на вопросы об имени и гражданском состоянии. Заседание в здании военно-морского суда началось с утра и продолжалось до шести часов вечера, с двумя перерывами. Как рядовой, я должен был стоять не присаживаясь, не имел права курить, отвечать должен был «так точно» и «никак нет!». Я устал как собака (цит. по: [Грин Н. Н., с. 144–145]).

В романе «Дорога никуда» судебное дело Давенанта тоже пришлось рассматривать в военном суде. Как видно, и в реальной жизни Грина, и в его романе формируется военный суд. При этом оба суда изначально рассматривают в качестве наказания арестованному смертную казнь. Вот что пишет об этом Грин в своей художественной автобиографии:

Пока шли эти переговоры, из Петербурга приехала военно-судебная комиссия с очень простой целью: объявить Севастополь на военном положении, хотя бы на месяц, чтобы меня повесил военно-полевой суд, но этот номер почему-то не прошёл [1965а, с. 351].

Точно так же потом угрожает смертная казнь и Давенанту, убившему нескольких пограничников:

При упоминании о военном суде Давенант понял, что ему угрожает смертная казнь [1965б, с. 143].

Но если Грин, избежав казни, все-таки освобождается, то его герой, тоже, в общем-то, уйдя от этого приговора, все-таки умирает.

8. Оказавшись в Севастопольской тюрьме, Грин постоянно думал о побеге. Установив связь со своими людьми за пределами каземата, он при первой возможности обсуждает с «Киской» вопрос о побеге. Для выполнения этого предприятия «Киска» находит сумму в размере одной тысячи рублей. Как было задумано, после осуществленного побега Грин должен был сесть в нанятый экипаж и приехать на судно, которое доставило бы его в Болгарию [1965а, с. 351].

Обратимся теперь к роману. Галеран, чтобы спасти Давенанта, решает использовать деньги, когда-то положенные в банк и за продолжительное время значительно укрупнившиеся. В годы бедности и скитаний Давенант не знал, что ему принадлежит часть лотерейного выигрыша Галерана. Теперь же этот выигрыш стал средством спасения. Для реализации своего плана Галеран покупает у Стомадора лавку перед тюрьмой. Он также платит значительные суммы людям, которых нанимает для рытья туннеля. План побега из тюрьмы Покета очень похож на тот, который Грин и «Киска» разработали для побега будущего писателя из Севастопольской тюрьмы:

Кроме того, они условились, как действовать в решительную ночь с понедельника на вторник. Если все сложится успешно, Факрегед должен был уведомить об этом, бросив через стену палку с одной зарубкой, а при неудаче – с двумя зарубками. Сигнал одной зарубкой означал: «Входите и уведите». Как условились – в четверть первого ночи Факрегед откроет камеру Давенанта; уйдут также оба надзирателя; Груббе с автомобилем должен был стоять за двором Стомадора на пустыре. Такой вид приняли все вопросы освобождения [1965б, с. 194].

Примечательно, что «Киска», поддержавшая Грина, в романе «Дорога никуда» превращается в Галерана, также поддержавшего Давенанта.

9. По воспоминаниям Грина, на втором году заключения его навестила сводная сестра, а кроме того, к заключенным иногда приходили молодые девушки, которые их посещали в качестве «невест» от «Красного креста»:

Мне тоже устроили «невесту», и раза три в тюрьму приходила совершенно мне неизвестная, страшно смущавшаяся, простенькая девица, а я смущался еще больше, чем она, так что разговор не клеился. Она добросовестно являлась в зал судебного заседания, при выходе из суда дала мне букетик цветов, и больше я ее не видел [1965а, с. 359].

В январе 1906 г. Грина арестовали в Петербурге из-за использования поддельного паспорта, и он попал в Выборгскую тюрьму, где точно так же его посетила Вера Павловна Калицкая: «Мое знакомство с Александром Степановичем началось весной 1906 г. Я работала тогда в подпольной организации “Красный крест”. Как известно, это общество помогало политическим заключенным и ссыльным, без различия партий, начиная с кадетов и кончая анархистами» [Калицкая, с. 25]. Это случайное знакомство заложило основу совместной жизни молодых людей, которая началась осенью 1907 г. Брак Грина и В. П. Калицкой продлился до 1911 г., а случай посещения арестованных в тюрьме молодыми женщинами фантастическим образом отразился в романе «Дорога никуда».

Давенант, у которого не хватает сил, чтобы бежать, в бреду обращается к Стомадору с последней просьбой:

«Стомадор, обратись к первой женщине, которую встретишь. Если она стара, она будет мне мать, если молода, — станет сестрой, если ребенок, — станет моей дочерью». Судите же, чего не получил умирающий и как жестоко отказать ему, потому что он болен, неподвижен и готовится умереть! [1965б, с. 210].

Чтобы удовлетворить последнюю просьбу Давенанта, Стомадор выходит из тюрьмы в поисках женщины, которую никогда не видел и не знает, и сталкивается с Консуэло, женой Ван-Конета. Она, в свою очередь, принимает этот вызов и приходит в тюрьму через туннель вместе со Стомадором. Согласимся с объяснением Л. Михайловой: «Страницы, где описан труд людей, боровшихся за спасение узника, и крушение их надежды, два предсмертных свидания с Галераном, томление Давенанта о светлом утешении и приход в тюремный лазарет неизвестной Давенанту молодой женщины с пророческим именем Консуэло (“консуэло” — по-испански значит “утешение”) звучат сильно, горько и страстно. Трагическое у Грина — не унылое, сентиментальное, меланхолическое нытье слабого, оно затрагивает мощные струны души» [Михайлова, с. 181]. Вера Павловна Калицкая, как мы видим, превратилась в прекрасную и отважную Консуэло.

10. В своей автобиографии Грин рассказывает, как в феврале 1900 г. отправился на Урал, чтобы сделаться золотодобытчиком. Работа на шахте на какое-то, хоть и весьма непродолжительное время стала его основным занятием:

Три ночи я проработал под землей, где забойщик бил киркой впереди себя, я лопатой наваливал породу в тачку и катил ее к бадье, под вертикальный колодезь. Работать надо было все время согнувшись; забойщик, работающий сдельно, с куба, гнал во всю мочь, и это было мне непосильно. Хотя ночная смена оплачивалась рублем, я больше работать не захотел [1965а, с. 332].

Вышеописанный опыт рытья туннелей пригодится Грину-писателю: сноровку в рытье туннеля проявляет один из героев романа по имени Тергенс:

Оставив Тергенса за его делом, немного ему знакомым, так как этот человек работал несколько лет назад в угольной шахте... [1965б, с. 189].

Помимо Тергенса, Галеран также производит подробные расчеты маршрута рытья и точек выхода из туннеля, которые явно основаны на личном опыте самого Грина.

11. Еще одна деталь, связанная с планом побега и зафиксированная в художественной автобиографии, а потом и в романе «Дорога никуда» — это число помощников. Грин писал о своем пребывании в тюрьме Феодосии:

Рассчитывая бежать, я склонил четырех человек устроить подкоп из камеры через узкое расстояние (не более сажени) между стеной корпуса и наружной стеной, но как быстро охладели мои соучастники! [1965а, с. 358–359].

Упомянул об этом в своей книге и А. Н. Варламов: «Второй раз Грин попытался бежать из Феодосии, куда его перевели из Севастополя для рассмотрения еще одного судебного дела и где двадцать лет спустя он поселится, но и эта попытка не удалась. Грин хотел сделать подкоп, но его сокамерники, рассчитывавшие выйти на поруки или под залог, товарища не поддержали. Однако сама идея с подкопом оказалась ненеправильной: четверть века спустя Грин использует ее в последнем, самом трагическом своем романе “Дорога никуда”. А пока что ему добавили по суду

год тюрьмы и отправили назад в Севастополь дожидаться отправки в Сибирь» [Варламов, с. 32]. Есть в «Автобиографической повести» и еще один эпизод, где именно четыре человека фигурируют в качестве помощников и спасителей Грина, — это рассказ о заключении в Севастополе:

...четыре рабочих социал-демократа, не желая покидать тюрьму, если я не буду выпущен, заперлись вместе со мной в моей камере, и никакие упрашивания жандармского полковника и прокурора не могли заставить их покинуть тюрьму [1965а, с. 361].

В результате этого протеста четверых узников 20 октября Грин действительно был освобожден. В романе «Дорога в никуда» план рытья туннеля для освобождения Давенанта был реализован благодаря четверем героям:

Не теряя времени, четыре заговорщика — Галеран, Ботредж, Стомадор и Дан Тергенс, черноволосый, с круглым лицом, спокойный, как сыр, человек, — взялись за трудную работу соединения двора лавки с двором тюрьмы узкой траншеей [1965б, с. 187].

Подводя итог нашим наблюдениям, можно сказать, что в романе «Дорога никуда» отчетливо просматриваются знаки и следы реального прошлого самого А. С. Грина. Об очень тесной связанности художественных произведений писателя с его жизненным опытом точно написал А. Левандовский: «У Грина первое со вторым было переплетено столь неразрывно, что сплошь и рядом не поймешь, что первично, за какую ниточку надо тянуть, чтобы распутать тот или иной узел биографии. Жил, как писал; писал как жил — так говорят о многих, но всегда ли справедливо? Для Грина это утверждение верно, без малейших оговорок» [Левандовский, с. 291]. Пребывание в заключении, в том числе и в Севастопольской тюрьме, было тяжелым и грустным периодом в судьбе Грина, но в то же время эти испытания оказались источниками вдохновения и силы в его художественном творчестве.

Адеев В. В. Гриновские места в Севастополе: фотопутеводитель. Севастополь, 2018. 24 с.
Варламов А. Н. Александр Грин. М., 2005.

Грин А. С. Автобиографическая повесть // Собр. соч. : в 6 т. М., 1965а. Т. 6. С. 228–361.

Грин А. С. Дорога никуда // Собр. соч. : в 6 т. М., 1965б. Т. 6. С. 3–227.

Грин Н. Н. Воспоминания об Александре Грине: Мемуарные очерки. Дневниковые записки. Письма / Н. Ялова, Л. Варламова, С. Колотупова. Феодосия, 2005. 400 с.

Калищкая В. П. Моя жизнь с Александром Грином: Воспоминания. Очерки. Письма / 2-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2021. 400 с.

Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. М., 1969. 296 с.

Левандовский А. А. Как попасть в Зурбаган, или Побег с вертикали // Эсхатологический сборник / отв. ред.: Д. А. Андреев, А. И. Неклесса, В. Б. Прозоров. СПб., 2006. 456 с.

Михайлова Л. Александр Грин: жизнь, личность, творчество. М., 1972. 192 с.

Сандлер В. И. Вокруг Александра Грина // Воспоминания об Александре Грине / сост., вступ., примеч. В. Сандлера. Л., 1972. 607 с.

Хронологическая канва жизни и творчества А. С. Грина // Собр. соч. : в 5 т. М., 1997. Т. 5. С. 591–605.

Шевицова Г. И. Мечта разыскивает путь : материалы VI Гриновских чтений, посвящ. 120-летию А. С. Грина. Киров, 2001. С. 88–92.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023 г.